УДК 323 DOI: 10.23394/2079-1690-2017-1-3-150-155

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МАРГИНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКО-ЭЛИТНЫХ ГРУПП В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Дзахова Лариса Хасановна доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и социально-политических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (362025, Россия, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46). E-mail: ldzahova@mail.ru

Гусов Мурат Юрьевич аспирант кафедры философии и социально-политических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (362025, Россия, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46). E-mail: urimagova@gmail.com

Аннотация

В статье изучены культурно-исторические предпосылки маргинализации политико-элитных групп в современной России, хронологически относящиеся к двадцатому столетию, в течение которого нашей страной были пережиты две крупные волны маргинализации, затронувшие политическую элиту. Авторы отмечают, что в процессе современного российского элитогенеза наблюдается воспроизводство характерных для предыдущего исторического периода специфических черт, к числу которых относятся, в частности, клиентелизм и клановость.

Ключевые слова: *маргинализация, элита, политическая элита, политико-элитные группы, элитогенез, меритократия, лиминальность, лиминальное политическое пространство.*

Анализ культурно-исторических предпосылок маргинализации современных российских политико-элитных групп предусматривает рассмотрение процессов трансформации политических элит в России в XX столетии, когда нашей страной были пережиты две крупные волны маргинализации. Первая из них наступила после революции 1917 г., а вторая хронологически относится к периоду конца 1980-х – начала 1990-х годов, будучи связанной с радикальными преобразованиями в нашей стране, начало которых относится к позднесоветскому периоду, а завершение - к периоду распада СССР и начальному этапу развития постсоветской России [1].

Первый этап маргинализации был отмечен процессом формирования новой пролетарской элиты. С точки зрения А.М. Старостина, период, наступивший после революции 1917 г. и гражданской войны, был отмечен практической реализацией, так называемой эгалитарной концепции социального устройства, на основе которой были ликвидированы элитные, аристократические слои и привилегированные сословия Российской империи, а впоследствии в течение достаточно непродолжительного периода была выстроена новая общественная структура, а также механизмы управления ей через посредство номенклатурной системы. По мнению А.М. Старостина, именно в рамках номенклатуры возник позиционный подход в выстраивании элитной карьеры в качестве доминирующего: данный подход был основан на представлениях о том, что «незаменимых людей нет», и за счет факторов социального положения, включающих в первую очередь классовое происхождения, социальный опыт, образование, бывшее, как правило, ускоренным, а также своеобразных этакратических ценностей и приоритетов, связанных с идеями служения государству, высокой ответственностью и готовностью к самопожертвованию удастся решить любые стоящие перед советским обществом и государством проблемы («даже пробежать 200-300-летний путь вхождения в индустриальное общество за несколько десятилетий») [2, с. 92].

Советское общество изначально было маргинальным, поскольку установление нового государственного строя и политического режима после революции, по словам Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина, сопровождалось и в какой-то степени вдохновлялось идеей «нового человека» и «нового общества», которое следовало освободить от характерных для дореволюционного общества традиций и предрассудков, доставшихся в наследство от старого режима сословных пережитков, эгоизма и чувства собственности. Однако советский человек, как отмечают указанные исследователи, оказался свободным не только от эксплуатации, но и от груза прежней «культуры», что было присуще и представителям формирующихся советских политико-элитных групп [3, с. 175].

В специальных исследованиях отмечается, что новая советская элита, безусловно, унаследовала определенные черты, присущие прежнему царскому чиновничеству, некоторые характерные для него традиции, включавшие «назначенчество», «контроль сверху, коррупцию и т.д. В то же время, как утверждают Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин и Ю.А. Левада, советские элитные группы значительно превосходили дореволюционные по таким параметрам как численность и масштабы, претензии и запросы, самоуверенный цинизм и безграничный страх перед руководством. Маргинальный характер советской политической элиты находил отражение в отсутствии у последней собственных традиций и истории, каких-либо возможностей для консолидации, а также прочных гарантий от постоянно грозивших ей репрессий, что было особенно характерно для периода 1930-начала 1950-х годов. Советская элита, оказавшись полностью беспомощной перед произволом партийного и государственного руководства, была неспособной поддерживать «сплоченность собственной корпорации» или сохранять какие-либо привилегии. Поскольку в среде советской номенклатуры отсутствовали сколько-нибудь цивилизованные нормы внутригрупповых отношений, она была вынуждена довольствоваться довольно примитивной системой норм, которая, по мнению Л.Д. Гудкова и его соавторов, больше напоминала правила поведения, существующие в волчьих стаях или сообществах криминального типа. Сознанию представителей элиты был присущ так называемый корпоративный страх, который стимулировал характерное для этой среды массовое доносительство и готовность с легкостью отречься от тех представителей элиты, которые попадали под каток репрессий и террора («захромавших уток») [4, с. 10].

В течение советского периода политико-элитные группы претерпели определенную эволюцию, основное содержание которой свелось к прагматическому «приземлению» претензий советских функционеров, а также качественного уровня самой номенклатуры. На смену господствовавшему в первые десятилетия советской власти образу «героических подвижников мировой революции» в позднесоветские годы, особенно в эпоху так называемого застоя, пришел образ «мелко-суетливых столоначальников» разных уровней, основной смысл деятельности которых заключался в том, что добиться расположения вышестоящего руководства и сохранить за собой те привилегии, которые предоставлялись кадрам партийно-государственного аппарата.

В сознании советских политико-элитных групп обозначилось явное доминирование обыденных, т.е. корыстных и статусных интересов, типичных для номенклатурных функционеров [5]. При этом для советской элиты было характерно полное отсутствие рационально-бюрократических стандартов, свойственных элитам современных западных государств, был присущ, скорее, «нагловато-хамский стиль отношения с нижестоящими» чиновниками и в особенности с рядовыми советскими гражданами, лишенными номенклатурных привилегий, который, по сути, являлся своеобразным прикрытием «комплекса собственной неполноценности» и маргинального статуса [6, с. 10].

Как уже отмечалось выше, на смену элитам дореволюционной России в советский период приходят новые элиты, что сопровождалось возникновением новых каналов вертикальной социальной мобильности.

По мнению А.Г. Вишневского, в послереволюционный период, начиная с конца 1920-х гг., так называемой эпохи «великого перелома» в составе новой советской элиты началось стремительное расширение маргинальных слоев, произошла их окончательная победа над «тончайшим слоем старой партийной гвардии», которая была предрешена простым количественным соотношением сил (уцелеть здесь, по мнению данного ученого, могли только те представители «старой гвардии», которые переметнулись на сторону нового большинства). Советское руководство в лице, прежде всего И.В. Сталина сделало ставку на «массы» и представителей «новой маргинальной элиты», которая поддерживала советского вождя, понимая и принимая его проект «ограниченной инструментальной модернизации». А.Г. Вишневский полагает, что такая огра-

ниченная и ускоренная модернизация отвечала историческому коллективному нетерпению, которое копилось в России, начиная с эпохи петровских преобразований, а также «банальному нетерпению миллионов людей», которые почувствовали реальную возможность почти немедленных перемен в их сегодняшней, повседневной жизни [7, с. 191].

С точки зрения М. Восленского, советский вождь И.В. Сталин являлся олицетворением новой советской маргинальной элиты: «Сталинские назначенцы были людьми Сталина. Но и он был их человеком. Они составляли социальную опору его диктатуры, но не из трогательной любви к диктатору-грузину: они рассчитывали, что он обеспечит их коллективную диктатуру в стране. Подобострастно выполняя приказы вождя, они деловито исходили из того, что эти приказы отдаются в их интересах… Он был ставленником своих ставленников и знал, что они неуклонно выполняют его волю, лишь пока он выполняет их волю» [8, с. 89-90].

С точки зрения А.В. Понеделкова, И.В. Сталин вполне осознанно использовал процессы маргинализации в качестве инструмента социальной и экономической политики: маргинализированная партия стала объектом политического манипулирования [9, с. 137]. В результате осуществления данной политики произошло формирование новой маргинальной советской элиты, ставшей на определенный период надежной опорой тоталитарного режима, который выдавался руководством страны за «диктатуру пролетариата» (формальным основанием для этого могло служить происхождение советских политико-элитных групп, которые и в самом деле были преимущественно выходцами из «народа», из рабоче-крестьянских слоев). По мнению А.М. Старостина, сущность данной политики оставалась неизменной на протяжении практически всего советского периода, несмотря на то обстоятельство, что уже к 1960-м гг. стало вполне понятно, что «ставка на активного и идейного середняка из рабоче-крестьянских низов малосостоятельна, и из этого материала элиты не слепишь» [10, с. 93].

В соответствии с выводами, сделанными Л.Д. Гудковым, Д.В. Дубиным и Ю.А. Левады по отношению к итогам трансформации политической элиты в советский период, за семь десятилетий существования советской власти руководству страны не удалось создать эффективных институциональных структур и конструкций, могущих быть использованными ведущими элитными группами для осуществления своей деятельности. Характеризующие представителей советской элиты черты, включающие приближенность к власти и потребительский статус, т.е. доступ к тем или иным дефицитным благам, не могли способствовать генезису настоящей, подлинной элиты (к «настоящей» элите Л.Д. Гудков и его соавторы относят элиты традиционного, «достижительского» или рационально-бюрократического типа), являющейся консолидированной и уверенной в собственном статусе и престиже. По этой причине, представителей советских политико-элитных групп вообще неправомерно, с точки зрения данных исследователей, рассматривать как элиту: в лучшем случае речь здесь может идти о некоем подобии элит, или их заменителях, эрзац-элитах власти и других сфер жизни общества [4, с. 15]. Произошедшие на рубеже 1980-1990-х годов распад и крушение советской партийно-государственной системы наглядно продемонстрировали слабость советской политической элиты, ее неспособность дать адекватный ответ на вызовы времени.

Необходимо отметить, что среди представителей российского научного сообщества существует точка зрения, согласно которой позднесоветский период, начиная с 1970-х гг. и вплоть до распада СССР был отмечен отсутствием массовой маргинализации и определенной стабилизацией социального структуры советского общества (в этот период социологами, в частности, был установлен факт воспроизводства основных классов и слоев данного общества на собственной основе, т.е. только за счет представителей своего класса). Это относилось и к представителям советских политико-элитных групп или номенклатуры, новые представители которой стали рекрутироваться из соответствующей среды. В то же время данный период стабилизации, часто также именуемый эпохой застоя, оказался достаточно кратковременным, и на смену ему вновь пришла очередная массовая маргинализация. Так, период 1990-х годов в постсоветском обществе был отмечен второй крупной волной маргинализации, затронувшей, в том числе, и политико-элитные группы. Данный процесс достаточно хорошо описан как в научной, так и в публицистической литературе. Рассматриваемый период характеризовался массовым приходом во властные элитные группы выходцев из среды советской номенклатуры, научного сообщества, сферы образования, а также криминальных слоев и теневой экономики. Данные индивиды были ориентированы преимущественно на достижение сиюминутного успеха, включающего быстрое обогащение, а также укоренение и закрепление на новых статусных позициях. Реализовать данные цели удалось не всем из указанных индивидов, однако неизбежных следствием

данных изменений, как отмечают А.В. Понеделков, А.М. Старостин и Л.Г. Швец, явилась маргинализация: указанный процесс в рассматриваемый период был отмечен формированием новой субкультуры и соответствующего слоя «новых русских», которым удалось занять элитные статусные позиции. По мнению упомянутых выше политологов, представители данного слоя в массе своей представляют собой медитократию с маргинальными проявлениями. Об этом свидетельствуют, в частности, такие черты, присущие данным элитным группам, как происхождение, жизненный опыт, образование, а также профессиональные достижения и способности (выделенные черты представляют собой основные параметры требований, предъявляемым к элитам) [7, с. 24].

Наряду с этим, А.В. Понеделков, А.М. Старостин и Л.Г. Швец также полагают, что главным фактором, выступающим в качестве препятствия трансформации российской политической элиты к ее новому качественному состоянию, являются не такие параметры как групповая сплоченность, политический и управленческий опыт, внутрифункциональные отношения, а в первую очередь уровень качества «человеческого капитала». Данные показатели будут более подробно проанализированы нами в одном из следующих разделов диссертационного исследования, а здесь же необходимо отметить, что на протяжении всего постсоветского этапа трансформации отечественных элитных групп прослеживается тенденция, связанная с имитацией представителями элиты тех или иных не присущих или не в полной мере присущих ей качеств и специфических черт. По мнению А.В. Понеделкова и других, это происходит вследствие того, что «подлинная, основанная на социально-психологических, акмеологических предпосылках и показателях эффективности деятельности элитность в российских политиках» вплоть до настоящего времени присутствует в явно недостаточной степени, однако, для «широкого круга конституентов и населения» все эти качества можно сымитировать, т.е. подать на уровне имиджа. В результате так называемая имитационно-имиджевая форма существования и подачи элитности продолжает оставаться ведущей в современной российской политике (представители политико-элитных групп активно имитируют образованность, ученость, гражданственную направленность действий, эффективность и результативность политических решений и т.п.) [10, с. 25].

Эмпирические исследования региональных и муниципальных политико-элитных групп показывают, что в настоящее время основным критерием, используемым при назначении на административно-политические должности в соответствующих органах власти, выступают не профессионализм и другие управленческие качества, а в первую очередь личные и неформальные отношения с первыми лицами данных органов, что в целом соответствует российским традициям. При этом, как показывает практика, наибольших карьерных успехов и продвижения по административной лестнице чаще всего достигают те, кто ориентирован на получение личной выгоды и повышение собственного социального статуса, используя различные способы, в том числе, и те, которые связаны с нарушением тех или иных социальных норм, моральных или правовых, активным использованием коррупции. В современных российских условиях, к примеру, достаточно распространенными стали переходы представителей частного бизнеса на работу в государственные органы и учреждения с целью сохранения и приумножения своих финансовых и материальных капиталов [11]. Как отмечает В.Л. Римский, опираясь на результаты собственных социологических опросов, в состав современных политико-элитных групп сейчас проще попасть тем индивидам (их охотнее принимает в состав руководство этих групп), которые не ставят себе цели и не испытывают стремления к изменению социального порядка, а, напротив, предлагают скорее имитации решений наиболее значимых проблем, не создавая для высших элит каких-либо существенных рисков изменений [12, с. 268]. Дело в том, что подобные действия могут нарушить сложившийся в конкретном регионе или муниципальном образовании «баланс влияния клик и кланов», соответствующих групп влияния, что не соответствует интересам господствующих здесь политико-элитных групп. Действия, направленные на изменение сложившегося социального порядка, могут иметь неизбежным следствием потерю представителями элиты своих неустойчивых, маргинальных статусных позиций, основанных исключительно на личных связях, что, в свою очередь, приведет к утрате влияния на принятие ключевых политических и управленческих решений, контроля или владения той или иной собственностью, различными материальными и финансовыми активами, доступа к распределению бюджетных средств.

Постсоветский период в целом характеризуется очередным этапом маргинализации отечественных элитных групп, а российский элитообразующий процесс в целом продолжает оставаться незавершенным. Современные российские политологи, анализируя процесс трансфор-

мации политической элиты, как правило, акцентируют внимание на номенклатурном происхождении значительной части представителей элиты.

В то же время, как справедливо утверждают А.В. Понеделков и А.М. Старостин, современный российский процесс элитообразования имеет многоисточниковый характер [13]. Так, в качестве основных генерирующих элементов здесь выступили те социальные институты и организации, которые оказались наиболее устойчивыми в процессе слома социально-политической системы советского общества. К их числу наряду с бюрократией следует отнести этнические связи, новые экономические корпорации, силовые структуры, а также организованные криминальные сообщества. Как показывают исследования современных элитных групп, среди представителей федеральной, региональной и местной элиты наблюдается явное доминирование и консолидация представителей и выдвиженцев обозначенных структур. Элитные группы в целом являются отражением, срезом той структуры, которая характерна для общества в целом, в них воспроизводятся присущие данному обществу специфические характеристики: как и обществу, так и элитам присущи маргинальный, мозаичный характер, что обуславливает сложности в отнесении данных элит к какому-либо классическому типу: меритократическому, классовому, сословному, номенклатурному и т.п.

Вместе с тем мы солидарны с точкой зрения А.В. Понеделкова и А.М. Старостина, согласно которой постсоветское общество и его элиты в своем развитии «во многом сохраняют инерцию прошлых лет» [13]. Об этом свидетельствует, в частности, присущий им олигархический характер, который проявляется в том, что «структурирование верхов не просто опережает структурирование низов, но стремится этим и ограничиться».

Наиболее ярко рассматриваемая преемственность в генезисе элит проявляется применительно к процессу структурирования элитных образований гражданского общества: здесь, несмотря на революционный характер перехода от советского к постсоветскому обществу, фактически продолжаются процессы, начавшиеся в брежневский период, что имеет следствием формирование не новой, а старо-новой элиты. В рамках данного процесса наблюдается превалирование власти над собственностью, причем первая во все большей мере перетекает во вторую; что же касается структурирования данных элит, то оно осуществляется в неразрывной взаимосвязи с государством. Все вышеперечисленные обстоятельства оказывают существенное воздействие на процесс формирования гражданского общества, обуславливая такие специфические характеристики данного процесса как засилье патрон-клиентных отношений, сложности в возникновении реально независимых от государства структур и коммуникаций, слабость личностного развития массового индивида.

Характерным проявлением маргинализации современных российских политико-элитных групп выступает имитация представителями элиты тех или иных не присущих или не в полной мере присущих ей качеств и специфических черт. Вследствие этого ведущей в современной российской политике продолжает оставаться так называемая имитационно-имиджевая форма существования и подачи элитности. Основным критерием, используемым в настоящее время при назначении на административно-политические должности в соответствующих органах власти, является не профессионализм и другие управленческие качества, а в первую очередь личные и неформальные отношения с первыми лицами данных органов, что, в целом, укладывается в цивилизационную традицию российского общества [14].

В процессе современного российского элитогенеза наблюдается воспроизводство характерных для предыдущего исторического периода специфических черт, к числу которых относятся, в частности, клиентелизм и клановость. В современной России процессы маргинализации политико-элитных групп осуществляются в условиях лиминального политического пространства, характерными особенностями которого являются крайняя неопределенность и смешение различных черт. Именно неопределенность выступает в качестве основного фактора, влияющего на процесс трансформации отечественных политических элит, обуславливая их маргинальное состояние.

Литература

1. *Бязрова Д.Б.* Современные интерпретации теории общественного прогресса. Дис…. канд. философских наук. М.,1999.
2. *Старостин А.М.* Элиты и тенденции маргинализации в переходных условиях современной России / Лидер, элита, регион. Ростов н/Д., 2014.

3. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Представления о модернизации российской элиты // Российская модернизация: размышляя о самобытности. Сб. статей / Под ред. Э.А. Паина и О.Д. Волкогоновой. М., 2008.
4. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А.* Проблема «элиты» в сегодняшней России: размышления над результатами социологического исследования. М.,2007.
5. *Дзахова Л.Х.* Современные тенденции развития партийности в модернизации политической системы России (политологический анализ). Дис. … докт. полит. наук. Ростов н/Д., 2011.
6. *Аствацатурова М.А., Дзахова Л.Х.* Партийность как фактор модернизации политической системы современной России. Ростов н/Д., 2011.
7. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.,1998.
8. *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
9. *Понеделков А.В.* Элита (политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). Ростов н/Д., 1995.
10. *Старостин А.М., Понеделков А.В., Швец Л.Г.* Феномен маргинализации в современном российском элитогенезе // Власть. 2016. № 1.
11. *Самыгин С.И., Верещагина А.В., Рачипа А.В.* Финансовая безопасность государства в условиях экономической глобализации: специфика рисков и угроз // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1.
12. *Римский В.Л.* Социальные факторы выстраивания политических карьер и неэффективности управления в регионах и муниципальных образованиях // Власть и элиты. Т. 1. СПб.,2014.
13. *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Современные российские элиты [Электронный ресурс]. Режим доступа: polit.ru›Статьи›2004/03/24/polit_studies
14. *Самыгин С.И., Верещагина А.В.* Военная безопасность России в условиях новой социально-политической и цивилизационной реальности // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 7.

Dzakhova Larisa Khasanovna, Doctor of Political Sciences, Head of the department of Philosophy and Socio-Political Sciences; North Ossetian State University. K.L. Khetagurov (44-46, Vatutina St., Vladikavkaz, North Ossetia-Alania, 362025, Russian Federation).
E-mail: ldzahova@mail.ru
Gusov Murat Yurievich, post-graduate student of the Department of Philosophy and Socio-Political Sciences; North Ossetian State University. K.L. Khetagurov (44-46, Vatutina St., Vladikavkaz, North Ossetia-Alania, 362025, Russian Federation). E-mail: urimagova@gmail.com

CULTURAL AND HISTORICAL PRECONDITIONS FOR THE MARGINALIZATION OF POLITICAL ELITE GROUPS IN MODERN RUSSIA

Abstract

The article explores the cultural and historical prerequisites for the marginalization of politico-elite groups in modern Russia, chronologically related to the twentieth century, during which our country experienced two major waves of marginalization that affected the political elite. The authors note that in the process of modern Russian elitogenesis there is a reproduction of specific features characteristic of the previous historical period, including clientelism and clanism in particular.

Keywords: *marginalization, elite, political elite, politico-elite groups, elitogenesis, meritocracy, liminality, the political political space.*